

стантинополь. Когда они были приведены к императору, то вид увенчанного теперь славой и почестями изменника, ненавистного ему зятя, так глубоко потряс гордого Джиберто, что он, пораженный ударом, упал мертвым.

Как некогда Вильгардуен, так теперь Жан Афинский находился в тюрьме в Константинополе, и судьба его была в руках того же самого увенчанного славой восстановителя греческой империи. Он был, впрочем, более счастлив, чем князь ахайский, так как Михаил VIII по многим соображениям вынужден был обходиться с своим высокородным пленником снисходительно: его отношения к папе по поводу соединения церквей, страх перед Карлом Анжуйским, который как раз в это время готовился к войне с Константинополем, наконец вышеупомянутое тяжкое поражение, которое потерпели его войска в Фессалии.

Герцог Жан был избавлен от той внутренней трагической борьбы, которая выпала на долю князю ахайскому. Вместо того чтобы потребовать от него хоть бы только части его владений, — и именно наиболее важным для Греции было восстановление владения ею Аргоса и Навплии, — император был вынужден прийти к постыдному признанию, что он не может теперь маленькому франкскому владетельному князю поставить тех условий, которым двадцать лет перед тем должен был подчиниться гордый князь Пелопоннесский. Михаил VIII, напротив, очень искал дружбы герцога афинского, который ему лично полюбился. Он предложил ему руку своей дочери, которую Жан отверг; он удовольствовался выкупом в 30 000 золотых солиди и обещанием вечного мира и отпустил с почетом пленника и его товарищей по несчастью.

3. Вскоре после благополучного возвращения в свою страну Жан вступил в родство с французско-апулийским домом Бриеннов, что для афинской истории имело роковое значение. Бриенны принадлежали к знатнейшим родам пэров Франции; они происходили из той же Шампаньи, откуда пришли завоеватели Греции. Знаменитый Жан, сын графа Эргарда и Агнесы Монбельар, король иерусалимский, был опекуном Балдуина II и коронованным